

ФОЛЬКЛОРНАЯ СТИЛИЗАЦИЯ В СОЛДАТСКИХ ПЕСНЯХ НИКОЛАЯ КЛЮЕВА

Т. В. Мануковская

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 20 декабря 2014 г.

Аннотация: целью данного исследования является представление фольклорной стилизации в лирике Николая Клюева. Автор анализирует пути становления приемов и функций стилизации, соотношение традиционного и авторского начала в стихах поэта разного периода.

Ключевые слова: фольклорная стилизация, реминисценция, аллюзия, цитация, фольклорно-мифологические образы и мотивы.

Abstract: the purpose of this study is to present folk style in lyrics of Nikolai Klyuev. The author analyses the emergence of receptions and functions of the styling, the ratio of traditional styling and author beginning in verses of the poet of different periods.

Key words: folklore pastiche, allusion, reminiscence, citation, folklore and mythological images and motifs.

Творчество Николая Клюева (1884–1937) занимает особое место в русской литературе первых десятилетий XX века. Отвечая требованиям времени, фольклорно-мифологические стихи поэта оказались чрезвычайно популярными. По верному замечанию Т. А. Пономаревой, лирика Н. Клюева – не идеализация деревни как таковой, а эстетизация «избяного космоса» [1, 64–65]. Поэт говорил «языком народа» с целью быть услышанным и понятым, поэтому весь образ жизни и даже внешность его были превращены «в наглядное средство агитации, цель которой – утверждение самоценности крестьянского мира» [2; 106, 109]. По мнению В. Г. Базанова, такое поведение новокрестьян, как «маскарадность, стилизованность, ряженность» [2, 16–17] – характерное явление для всей культуры начала XX века.

Первым исследователем жизненного пути Клюева был А. И. Грунтов, издавший «Материалы к биографии Н. А. Клюева» [3]. Признанное уже значительным, творчество поэта с трудом входило в сознание массового читателя. Кандидатские диссертации 1970-х – начала 1980-х гг. лишь затрагивали лирику Н. Клюева, не исследуя ее специально. Это труды В. И. Коржан «Идейно-художественные искания крестьянских поэтов (1910–1920)» (Фергана, 1979); В. И. Харчевникова «С. А. Есенин и русская крестьянская поэзия начала XX века» (Ленинград, 1981); Т. К. Беляевой «Александр Ширяевец и русская крестьянская поэзия первой четверти XX века» (Краснодар, 1980).

В 1990-е годы возросший интерес к творчеству Клюева и новокрестьянских поэтов привел к появлению целого ряда диссертационных исследований:

Л. И. Киселева «Особенности художественного мышления новокрестьянских писателей (Н. Клюев, С. Клычков, А. Ширяевец)» (Киев, 1990), Л. В. Захарова «Творчество Н. А. Клюева в литературном процессе 10–30-х годов XX века: Типологическая общность и индивидуальное своеобразие» (Москва, 1993), И. В. Гречаник «Религиозно-стилевые тенденции в лирике первой трети XX века (Д. Мережковский, А. Блок, Н. Клюев)» (Армавир, 1998), Я. П. Редько «Поэтика цикла «Избяные песни» Николая Клюева» (Краснодар, 1998), С. Х. Головкина «Термины родства в поэзии Н. Клюева: В лексикографическом аспекте» (Вологда, 1999), Д. А. Савельев «Духовные искания Николая Клюева и его творческое наследие 1910 – 1930-х годов» (Москва, 1999). Сами названия тем говорят об интересе исследователей к различным сторонам творчества поэта.

В последнее десятилетие стали печататься поэтические произведения, письма и публицистика Н. Клюева, был открыт доступ к секретным документам КГБ, вышли в свет считавшиеся потерянными поэмы «Каин» и «Кремль». Все это послужило материалом для ряда диссертаций: С. Б. Виноградовой «Номинация водного пространства в творчестве Н. А. Клюева: Лингвопоэтические аспекты» (Вологда, 2000), Р. И. Климаса «Сопоставительный анализ актуализированных лексиконов поэтов Серебряного века: З. Гиппиус, М. Кузмин, Н. Клюев, В. Хлебников, И. Северянин» (Курск, 2002), М. В. Герасименко «Структурно-смысловая организация зооморфных образов-символов в поэзии Н. А. Клюева» (Краснодар, 2003), Е. Н. Лисицкой «Эпическое творчество Николая Клюева: организация мотивов» (Тюмень, 2003), В. А. Брыкалина «Книга стихов Николая Клюева «Песнослов» как художественное единство»

(Волгоград, 2005), А. В. Фроловой «Художественная аксиология новокрестыанской поэзии первой трети XX века» (Воронеж, 2006), Т. В. Мануковской «Миологические образы и мотивы в лирике Николая Клюева первой трети XX века (Воронеж, 2007).

Обстоятельно и системно проанализировал северно-русскую основу поэтического творчества Клюева в статьях и монографии «С родного берега» В. Г. Базанов (1911–1981) [2]. Научный интерес представляют критические статьи и работы А. И. Михайлова, освещающие исторический путь развития новокрестыанской литературы и творчество Н. Клюева [4; 5]. В противовес мнению К. М. Азадовского, считающего биографические повествования Н. Клюева «*легендой*» [6, 24], А. И. Михайлов полагает, что «*в автобиографических рассказах Клюева нет ничего, что так или иначе не соотносилось бы с его поэзией*» [5, 146].

При всем обилии научных работ о поэте остается неосвещенной проблема стилизации в изучении клюевского фольклоризма. Не исследованы формы реминисценций, аллюзий, цитаций в создании фольклорной стилизации, пути становления приемов стилизации, соотношение традиционного и авторского начала. Прием фольклорной стилизации мы рассматривали ранее, анализируя свадебные и любовные песни Н. Клюева цикла «**Песни из Заонежья**» (Народная культура сегодня и проблемы ее изучения : сборник статей : материалы региональной конференции 2010 г. / Воронежский государственный университет. – Воронеж : Научная книга, 2010. – С. 140-149). В данной статье автор анализирует прием фольклорной стилизации на примере солдатских песен из цикла «**Мирские думы**».

Методологическую и теоретическую основу исследования составили базовые труды ученых:

– по теории мифологии и фольклора: А. И. Афанасьев, А. И. Соболевский, П. В. Киреевский, А. Н. Веселовский, А. А. Потебня;

– по проблемам взаимодействия литературы и фольклора: С. Г. Лазутин, Е. Г. Муценко;

– по вопросам стилизации: М. М. Бахтин [7], Н. П. Колпакова [8], Е. Г. Муценко [9; 10; 11].

Обращаясь к исследованию фольклоризма Н. Клюева, мы будем рассматривать такие фольклорные жанры, как плач, причитание, обрядовая и лирическая песня, духовный стих.

При анализе мифологических мотивов мы оперировали следующими понятиями:

– «миф» – «повествование, совокупность «рассказов» о мире. Это не жанр словесности, «а определенное представление о мире, выражающееся и в иных формах: действия (*ритуал, обряд*), песни, танца и др.» [12, 222];

– «реминисценция» – «смутное воспоминание, отголосок, отражение влияния чьего-нибудь творчества» [12, 588];

– «аллюзия» – намек на реальный политический, исторический или литературный факт, который предполагается общеизвестным» [12, 20];

– «цитата» – «дословная выдержка из какого-либо произведения» [12, 492];

– «стилизация» – «намеренная и явная имитация того или иного стиля (стилистки), полное или частичное воспроизведение его важнейших особенностей» [12, 419];

– «лирический герой» – «образ поэта, один из способов раскрытия авторского сознания» [12, 185].

Яркой стороной произведений Николая Клюева является их фольклорно-мифологическая основа. Герои его ранней лирики, носящей откровенно христианский характер, добровольно идут на Смерть, на Голгофу, спасая при этом не себя, а Святую Русь. Н. Клюев никогда не конкретизировал исторические события, но подчеркивал тот факт, что человек рожден для жертвенности и страдания во имя большой идеи. Его герои готовы к подвигу и жертве во имя любви к ближнему: «Я надену черную рубаху / И вслед за мутным фонарем / По камням двора пойду на плаху / С молчаливо-ласковым лицом» [13, 114 – далее ссылка только на страницы]. Готовность русского мужика принять Смерть за Святую Матушку-Русь, отдать свою жизнь за «мужицкий рай», за свободу «белоствольной березки» с «вещей кукушкой» на ней, за «волю вольную», пойти на защиту всего святого, что так дорого простому крестьянину – ярко представлена в стихотворном цикле «**Мирские думы**» (1915). С этого времени фольклорные мотивы постоянно звучат в поэзии Николая Клюева.

Многие критики по достоинству оценили поэтический труд поэта, отметив, что цикл «**Мирские думы**» «*действительно и полно отражает свежую, яркую, самобытную творческую личность автора, певца русской деревни и русского эпоса*» [14]. Но в литературе до сих пор бытует мнение о лжепатриотическом пафосе солдатских стихов Н. Клюева (например, высказывание В. Н. Орлова), на что обращает внимание К. Азадовский в своей монографии «Путь поэта» [6, 174]. На наш взгляд, главное в «**Мирских думах**», несомненно, не в этом. Поэтическими средствами Н. Клюев передал яркий образ Руси, настроения русских крестьян, выпавшие на их долю страдания, патриотический подъем защитников родной земли. Название «**Мирские думы**» отвечало думам и чаяниям народа в военное время – в годы лихой години первой мировой войны. За какие же идеалы в произведениях Клюева поднялся русский народ, оставив семьи и веками обустроенный быт? Поэт подчеркивает высокий дух народа, готовность русского мужика идти под пули не за царя, а «постоять за крещёную землю, / За зеленую мать-пустыню» («**Мирская дума**») [264]. Как и прежде, здесь отсутствует описание событий, подвигов, поскольку Клюеву важен сам факт готовности крестьянина к жертве.

В стихотворении «**В этот год за святыми обедами...**» [269] поэт впервые пытается стилизовать солдатскую песню. Слова-причитания матери звучат как *цитата* из фольклорного текста, наверняка известного Клюеву с детства. Стилизуя былинный стих, в стихотворении «**Гей, отзовитесь, курганы...**» [256] поэт вводит обобщенные образы русских героев («Муромцы», «Дюки», «Потоки»). В стихотворении «**Русь**» [227] поэт как бы собирает в одном поэтическом пространстве все традиционные и авторские образы, призванные помочь уничтожить «басурманов» («дружок-Прага», «дед-Киев», «Новгород седой», «Русь Червоная», «кладенец богатыря», «алый краковский жупан»). Это придает указанным стихам элемент некоторой демонстрации, искусственности, чего не наблюдается в последующем цикле «**Песни из Заонежья**». Стилизуемая система в таких случаях, по словам Е. Г. Муценко, «осознается больше приемом, оттого высока субъективность выбора элементов» [11, 69].

В «**Мирских думах**» передано настроение сопереживания солдатским семьям, потерявшим кормильцев. Трагедия, охватившая всю страну, усилила обращение поэта к фольклорным образам. Это выразилось в создании стилизаций солдатской песни, плача, причитания. В стихах этого цикла появляется традиционный образ вдовы, девушки-солдатки. На первый план выходят страдания, боль от потери близкого человека. Характерно, что помогает все это выразить и максимально приблизить к народному мироощущению использование фольклорных образов и мотивов, а в некоторых случаях и собственно фольклорных жанров в целом. Так, например, в стихотворении «**В этот год за святыми обедами...**» солдатская мать своим причитанием старается оградить от несчастий сына-воина: «Посиделки, как трапеза братская, – / Плат по брови, послушной кудель, / Только изредка мать солдатская / Поведет причитаний свирель» [269]. Перед нами встает образ матери поэта, Прасковьи Клюевой, – талантливой плачеи. Строчки «Полетай, моя дума болезная, / Дятлом-птицею в сыр-темен бор» [269] можно назвать *использованием чужого слова*. Все образы в этих двух строчках традиционны: «думы болезные», «сыр-темен бор», «дятел-птица» (по народным поверьям, «в дятла Бог превратил пасечника за работу в воскресенье») [15, 711]. Мысль о сочувствии страданиям народа воплощают удивительно яркие индивидуально-авторские собирательные образы женщин-солдаток в эту тяжелую годину.

Северная природа постоянно присутствует в стихах Н. Клюева, она созвучна переживаниям героев. Поэт по-своему использует традиционный композиционный прием *психологического параллелизма*, изображая «грустящую» картину заката *после* образа вдов: «На завалинах рать сарафанная, / Что

ни баба, то горе-вдова; / Вечерами же мглица багряная / Поминальные шепчет слова» [269]. Такую же функцию выполняют индивидуально-авторские образы «копыеносной звездной конницы» и «сполоха-коня».

В стиле солдатской песни написано стихотворение «**Небесный вратарь**» [255]. С него начинается особенно частое обращение Клюева к приему фольклорной стилизации. Стилизация (по словам Е. Г. Муценко) – это «*своеобразный вид последовательной имитации фольклорного стиля...*» [10, 54]. Для стилизации характерна «жесткая нормативность», означающая, что «*ее идейно-эмоциональная основа предполагает непререкаемое общенародное единство, где «я» изначально растворено в «мы».*» [10, 55]. Этот прием является основополагающим в «**Мирских думах**».

Стихотворение «**Небесный вратарь**» изобилует традиционными художественными средствами. Это *уменьшительно-ласкательные слова*: «Как у кустышка у ракитова / Уколодечка у студеного»; «Ты прощай-ка, родимая сторонушка, / Что ль бажона теплая семеюшка» [255]. В стихотворении много *постоянных эпитетов*: «кустышекракитов», «колодичек студеной», «раны черные», «белый свет», «горючие слезы», «родимая сторонушка», «ноги резвые», «добрый конь». Также представлены в «**Небесном вратаре**» *плеоназмы*: «дуб-дерево», «откуль-неоткуль». Стихотворение начинается с традиционного приема *психологического параллелизма*. Образ ракитового куста (символ печали) готовит нас к восприятию гибели воина. Если в фольклорной традиции необходимо было перечислить всех родственников «теплой семеюшки», то лирический субъект Н. Клюева сразу после упоминания «родимой сторонушки» и «бажонной теплой семеюшки» вводит обращение к «ангелам поднебесным», образ «преподобного лика» «Митрия, Свет-Солунского». Клюев вводит в солдатскую песню образы, характерные только для духовных стихов: «ангелы поднебесные», «бажонная семеюшка» (от слова «Бог»), «преподобный Митрий Свет-Солунский» (христианский святой), «Небесный вратарь» (стоящий у врат рая). Хотя в стихотворении используются многочисленные приемы фольклорной поэтики, в целом оно имеет сугубо индивидуально-авторское воплощение, ведь по сюжету погибший солдат говорит со святым «Митрием Солунским», покровителем воинов, указующим ему путь к раю. Вряд ли в фольклоре встречаются герой духовных стихов и герой солдатских песен в одном лирическом пространстве. Но в целом данное стихотворение является стилизацией народной солдатской песни. Автор опирается на коллективные, собирательные образы, в конце же проявляет свое «я» в выборе конечной сюжетной ситуации. Финалы могли быть различными, но все они продиктованы

существующей традицией. Образы «ангелов поднебесных», православного святого в жанре солдатской песни, «бажоной семеюшки», «Небесного вратаря» говорят о проявлении авторской воли поэта.

Мотивами печальной участи наполнено и стихотворение «**Что ты, нивушка, черненька...**» [272]. Образ кукушки, склевывающей материнские слезы – «жито алмазное» и разносящей материнское горе по свету, по-народному символичен. Ключев обращается к традиционному образу кукушки, символизирующему душу, грусть, печаль. В народных воззрениях она является посланницей с «того света». **Кукушка** в стихах Н. Клюева – это символ-оберег от беды. Ключев твердо верит, что спасется тот, кто любит, страдает и помнит. Полные трагизма причеты солдатской матери, ее слезы и молитвы помогут умершей душе найти дорогу к Богу. В основу этой песни положены типичные формулы народных плачей. Картину плача солдатской матери по сыну в стихотворении «**Что ты, нивушка, черненька...**» можно причислить к художественным вершинам творчества Н. Клюева: «Она кликала грозных архангелов, / Деву-Пятенку с Теплым Николою, / Припадала, как к зыбке, к валежине, / Называла валежину Ванюшкой; / После мох, словно волосы, гладила / И казала сосцы почернелые» [272]. Эти строки напоминают нам традиционный сказочный мотив о Лутонюшке (*старик и старуха, мечтающая о сыне, баюкают чурочку, волшебным образом превратившуюся после в мальчика*) [16, 180]. Здесь мы встречаем то же сочетание стилизации и проявление авторского начала в финале.

Огромных размеров достигает в «**Беседном наигрыше**» образ «старичица, / По прозванью Сто Племен в Едином» [278]. В этом стихотворении реминисценции из фольклора соседствуют с авторскими образами, написанными в духе народных традиций: «птица Паскарага», «Удилёна», «Пятенка-дева». Вселенского размаха достигает образ русского богатыря в стихотворении «**Русь**»: «У детины кудри – боры, / Грудь – Уральские хребты, / Волга-реченька – оборы, / Море синее – порты» [227].

Воссоздавая язык народных песен и плачей, Ключев, с одной стороны, следовал за народной традицией, с другой – отходил от нее в своих импровизациях. Фольклорная основа и авторское начало – характерная особенность солдатских песен Н. Клюева. Поэт настолько хорошо знал русский фольклор, что исследователям его творчества было порой трудно определить, кому принадлежит авторство его «**Песен**» – поэту или народу. Это и послужило основанием для утверждения некоторых критиков, что многие стихи Н. Клюева – это просто «*обработка материала народного, подлинной народной песни, что чересчур чувствуется под стихами*» [17]. Но народные певцы создавали свои песни в духе уже сложившихся традиций, поэтому индивидуальность

творца проявлялась неярко. Этим объясняется в фольклоре одинаковость поэтических приемов – постоянных эпитетов и параллелизма, приемов ступенчатого сужения образов и тавтологических повторов. Ключев же намеренно дал себе установку сродниться с народными традициями, создав при этом своеобразные и неповторимые стилизации.

Мы видим, что Н. Ключев строит начало своих стихов в строгом соответствии с приемами зачина в лирической песне, используя прием *психологического параллелизма*. В этом проявляется уже упоминаемое нами свойство фольклорной стилизации – «жесткая нормативность», не позволяющая иметь разногласия с автором. Но при этом стоит отметить двойственность положения автора. «*С одной стороны, автор не может по собственной воле отдаляться от первоисточника, – если будет перейдена граница жанра, фольклорная стилизация неминуемо подвергнется трансформации, вплоть до разрушения. С другой стороны, автор, оставаясь в пределах того или иного жанра, должен преодолевать имитируемый, стилизуемый материал, предлагая аудитории, настроенной на волну фольклорной нормативности, свой подход, свои художественные решения*» [10, 67]. Для изображения некоторых сторон крестьянской жизни фольклорные изобразительные средства были приспособлены больше, чем те, что были выработаны собственно литературной традицией, что объясняет одну из причин обращения Ключева к фольклору. В «**Мирских думах**» мы неоднократно наблюдали сочетание стилизации народных жанров с авторским развитием сюжета, с введением мотивов, явившихся следствием особого мировоззрения поэта.

Песня Н. Клюева «**Недозрелую калинушку...**» [166] (она вошла в более поздний цикл стихов), восходит к *рекрутским* и рассказывает о том, что «по двадцатой красной осени / Парня гонят во поход» [166]. Поэт просит «гармонь-размыкушку» поиграть, «про судину рассказать», хоть и остался «недолог срок». Фольклорная песня из сборника братьев Соколовых схожа с ключевской по жанру и тематике:

Текст Н. Клюева:

Недозрелую калинушку
Не ломают и не рвут, –
Недорощена детинушку
Во солдаты не берут. [166]
Текст из сб. Соколовых:
Недозрелая калинушка, –
Нельзя ее заломать;
Недорослая красна-девушка, –
Ее нельзя замуж взять. [18, 458]

Но народная песня имеет совершенно иной, чем у Н. Клюева, сюжет: героиня песни рассказывает, что у нее есть три горя: одно – «несказимо», другое –

«плакать не велят», а третье горюшко – «дружка в солдаты повезут». Оставшись без милого, девица решает: «Убегу я с горя замуж / Не за милова дружка, / Не за милова, постылова, / За калинов новый мост» [18, 459]. В. Г. Базанов сопоставляет клюевскую рекрутскую песню с фольклорной «Калинушкой», записанной братьями Соколовыми в Вологодской губернии. Добавим, что первоначально Клюев так же назвал свою песню «Калинушкой».

Рекрутская тема развита Клюевым еще в одной песне, не включенной в цикл – «Под плакучею ракитой...» [95]. Хотя старинная солдатская песня, взятая Клюевым за основу, не оставила в стихотворном варианте ни одного явного намека на указанную тематику, общая мотивировка совпадает:

Текст Н. Клюева:

Под плакучею ракитой
Бледный юноша лежал,
На прогалине открытой,
Распростертый умирал...
Каркал ворон в выси синей,
Круги ровные чертя,
Умирало над пустыней
Солнце, дали золотя. [95]
Текст из сб. С. Г. Лазутина:
Под зеленою ракитой
Русский раненый лежал
Он лежал штыком пронзенный,
Крест свой медный прижимал.
Над ним вился черный ворон,
Чует лакомый кусок.
Ты не вейся, черный ворон,
Я солдат еще живой. [19, 15]

Поэт постоянно использует традиционно песенную символику («ракита» – символ Смерти), повторение одних и тех же поэтических формул («Над ним вился черный ворон...» – «Каркал ворон в выси синей...»). Посмотрим, чем является в тексте данной фольклорной песни символический образ «ворона». Он предстает здесь и вестником Смерти, и связывает умирающего героя песни с родной стороной, с близкими ему людьми. У Клюева же образ ворона не несет никакой дополнительной смысловой нагрузки. Следует также отметить такие словосочетания в клюевском тексте, как «синяя высь», «умирало солнце, дали золотя», «неба гладь». Этим и аналогичных им выражений в фольклорном тексте быть не могло. Здесь прослеживается процесс утраты традиционных символов и создания символов новых, индивидуально-авторских, но глубоко народных по сути. Поэтому традиционное и авторское органично уживается в одном тексте-стилизации.

В. Г. Базанов не без основания считал, что поэт мог включать в произведения фольклорные варианты, которые он слышал во время своего хождения

по скитам. Но он отмечает также, и с этим нельзя не согласиться, что Н. Клюев «при этом создает на основе народных песен свои редакции песен» [2, 30].

Итак, мы убедились в интересе Н. Клюева к фольклору. Процесс формирования фольклорной стилизации шел постепенно, что проявлялось в применении аллюзий и реминисценций из различных фольклорных жанров, в упоминании отдельных образов из фольклора, в постепенном насыщении стихов фольклорными реалиями. В цикле «Мирские думы» поэт уже часто прибегает к стилизации, широко используя фольклорные образы: «женщина-вдова», «девушка-солдатка», «мать солдата», «родимая сторонущка», «кукушка» (символ грусти и печали), «ракитовый куст» и «черный ворон» (символы Смерти), «русский богатырь», «меч-кладенец». Для того чтобы передать всю боль от потери близкого человека, Н. Клюев использует традиционные мотивы: «причитания солдатской матери», «готовность крестьянина к жертве во имя Святой Руси», «страдание от потери сына», «оплакивание смерти героя», «плач вдовы», «гибель воина».

Цитируя распространенные фольклорные зачины, близкие народным, Николай Клюев создает свои произведения на основе традиций устного народного творчества. Строя начало стихов в строгом соответствии с приемами зачина в фольклоре, сюжет песен Клюева в дальнейшем меняется. Отличное от фольклора содержание клюевских песен ведет к появлению новых образов: «копьеносная звездная конница», «сполох-конь», «кукушка» (в значении «оберег от беды»), дружок-Прага», «дед-Киев», «птица Паскарага», «Удилена», «Пятенка-дева». Все стилизации цикла «Мирские думы» имеют в своей основе традиционные сюжетные ситуации, которые неожиданно завершаются чисто авторским финалом, характерным для мировидения Клюева. Такое проявление авторского начала во второй части текста является характерной закономерностью солдатских песен Н. Клюева.

ЛИТЕРАТУРА

1. Пономарева Т. А. Проза Николая Клюева 1920-х годов / Т. А. Пономарева. – М. : Прометей, 1999.
2. Базанов В. Г. С родного берега. О поэзии Николая Клюева / В. Г. Базанов. – Л. : Наука, 1990.
3. Грунтов А. К. Материалы к биографии Н. А. Клюева / А. К. Грунтов // Русская литература. – 1973. – № 1. – С. 118–126.
4. Михайлов А. Николай Клюев и мир его поэзии / А. Михайлов // Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. Клюев. – СПб. : РХГИ, 1999. – С. 7-74.
5. Михайлов А. И. Пути развития новокрестьянской поэзии / А. И. Михайлов. – Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1990.
6. Азадовский К. Николай Клюев : Путь поэта / К. Азадовский. – Л. : Сов. писатель. Ленингр. отд-ние, 1990.

7. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики : Исследования разных лет / М. М. Бахтин. – М.: Худож. лит., 1975.
8. Колпакова Н. П. Русская народная бытовая песня / Н. П. Колпакова. – М.-Л. : АН СССР, 1962.
9. Муценко Е. Г. и др. Поэтика сказа / Е. Г. Муценко и др. – Воронеж, 1978.
10. Муценко Е. Г. Литературный сказ как фольклорная стилизация / Е. Г. Муценко // Поэтика литературы и фольклора. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1979. – С. 85-95.
11. Муценко Е. Г. Функции стилизации в русской литературе конца XIX – начала XX века / Е. Г. Муценко // Филологические записки : Вестник литературоведения и языкознания. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 1996. – Вып. 6. – С. 67-76.
12. Литературный энциклопедический словарь. – М.: Сов.энциклопедия, 1987.
13. Клюев Н. Сердце Единорога. Стихотворения и поэмы / Н. Клюев. – СПб. : РХГИ, 1999.
14. Бухарова З. Николай Клюев. «Мирские думы» / З. Бухарова. – Режим доступа : <http://www.kluev.org.ua/critics/buch.htm>.
15. Гура А. В. Символика животных в славянской народной традиции / А. В. Гура. – М. : Индрик, 1997.
16. Афанасьев А. Н. Народные русские сказки : в 3 т. / А. Н. Афанасьев. – М. : ГИХЛ, 1957. – Т. 1.
17. Венгров Н. Николай Клюев. «Мирские думы» / Н. Венгров. – Режим доступа : <http://www.kluev.org.ua/critics/vengr.htm>.
18. Сказки и песни Белозерского края / [записали Б. и Ю. Соколовы]. – М. : Изд-во Отделения Русского Языка и Словесности Императорской Академии Наук, 1915.
19. Народные песни Воронежской области / [под ред. С. Г. Лазутина]. – Воронеж : Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1974.

Воронежский государственный университет

Мануковская Т. В., кандидат филологических наук, заведующий музеем народной культуры и этнографии

E-mail: tmanukovskaja@mail.ru

Voronezh State University

Manoukovskaya T. V., Candidate of Philology, Manager of the Museum of Folk Culture and Ethnography

E-mail: tmanukovskaja@mail.ru